

разнообразными типами идей, которые внезапно появляются, исчезают и периодически снова возвращаются на всем протяжении работы²⁶⁴. Безусловно, все это позволило продвинуться в изучении творчества, более того, сфокусировало исследования на выявлении роли дивергентного мышления, выбора, оценки в процессе творчества.

В заключении можно отметить, что неклассические философские концепции видят новизну как критериальную характеристику творчества не в результате деятельности (что характерно для классического видения), а в процессуальности творчества, раскрываемого с помощью таких понятий, как длительность, межсубъектность, полифоничность, многоплановость, межпарадигмальность и др.

Изменения в понимании феномена творчества в неклассической концепции относятся, в большей степени, к области конструирования реальности и роли человека как субъекта этого конструирования. Наблюдается отход от центрирующей роли всякой субстанции к пониманию реальности в ее процессуальности, движении, становлении. Творчество как категория онтологическая располагается в ряду таких понятий, как «изменение», «движение», «развитие» и др.

Именно благодаря достижениям естественных и гуманитарных наук открываются все новые и новые возможности изучения, осмысления феномена творчества, определения его критериев.

МОДЕЛЬ ПОЗНАЮЩЕГО СУБЪЕКТА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ОБРАЗ НАУКИ: ОТ КЛАССИКИ К НЕКЛАССИКЕ

О. А. Козырева

*магистрантка 2 курса направления «Философия»
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

В конце XIX – начале XX века в науке происходит одна из самых значительных революций, которую В. С. Степин оценивает как третью глобальную научную революцию²⁶⁵: классическая наука становится неклассической. Любая научная революция осуществляется за счет кардинальной перестройки научной картины мира

²⁶⁴ Любарт Т., Муширу К. Творческий процесс // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 74–80.

²⁶⁵ См.: Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М.: Гардарики, 1996. 400 с.

и изменений в методологии исследования. В результате такого сдвига формируется новый образ науки, т. е. целостное представление о природе и закономерностях развития научного знания, о его существовании в обществе в форме института.

Для осмысления перехода от классического образа науки к неклассическому требуется провести анализ изменений в области философской проблематики, так как смена научных картин мира совершается на уровне оснований науки, задающихся философским измерением действительности. Важной составляющей образа науки является концепт субъекта – того, кто познает мир и является создателем науки как особого вида познания. Поэтому необходимо сравнить классическую и неклассическую концепции субъекта, и для иллюстрации сравнительного анализа мы обратимся к двум центральным, по нашему мнению, фигурам этих периодов – Р. Декарту и Э. Маху, стоявшим у истоков формирования классической и неклассической науки соответственно.

Начнем с методологического обоснования нашего исследования. Во-первых, мы определяем принадлежность мыслителя к определенному типу науки/философии на основании тех проблем, который он ставил, и метода их решений, а не на основании совпадения дат его жизни с хронологией этапов существования науки/философии. Так, Э. Мах развивает традицию, берущую начало еще в философии Д. Юма, Дж. Беркли, Б. Спинозы, а декартовские положения, как мы покажем далее, находят свое выражение в работах О. Конта.

Во-вторых, выбор именно этих фигур для анализа обусловлен тем, что и для Р. Декарта, и для Э. Маха философия и наука были близкими сферами человеческой деятельности: в эпоху Р. Декарта процесс отделения науки от философии только зарождался, а Э. Мах, сетуя на уже сложившуюся отделенность философии и науки, писал, что «и то, и другое безусловно необходимо для достижения согласия между теми и другими, ибо одно чтение ни тем, ни другим помочь не может»²⁶⁶.

В-третьих, нам необходим лишь тот аспект их концепций субъекта, который позволит показать очевидную зависимость образа науки от типа субъекта, ее творящего. Остальную проблематику субъективности в их творчестве мы оставим за скобками нашего анализа.

Классический образ познающего субъекта

Несмотря на общепринятое представление о рациональном характере субъекта в философии Р. Декарта, мы обнаруживаем, что субъект у него не определяется наличием разума: «способность

²⁶⁶ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 38.

правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения – что, собственно, и составляет, как принято выражаться, здравомыслие или разум, – от природы одинакова у всех людей»²⁶⁷. Разум – это естественная способность, в равной мере присущая каждому индивиду от рождения, но она не является залогом истинного познания действительности, так как в мире царит «различие мнений» об одних и тех же вещах. Это различие возникает из-за того, что люди отпускают разум в свободное плавание без кормчего – роль которого Р. Декарт адресует методу.

Метод – это «узда» для разума, приспособляющая его к открытию истины вещей. Это своего рода практика ума, упражнение в «расстановке» окружающих вещей таким образом, чтобы стало возможным начало познания. Только с того момента, когда разум начинает сдерживаться методом, можно говорить о том, что индивид стал субъектом – тем, кто познает объект, само же познание носит унифицированный характер, и «существует лишь одна истина касательно каждой вещи и кто нашел ее, знает о ней все, что можно знать»²⁶⁸.

Метод понимается как то, что позволяет «отсечь» множество других точек зрения на вещь и сосредоточиться лишь на одной, истинной: «Познание должно быть методичным, – вот главная гносеологическая установка Декарта»²⁶⁹. Метод – это критерий разграничения познания и простого рассмотрения вещей: в последнем случае речь идет лишь о неупорядоченном наборе всевозможных мнений об окружающем мире. Индивиды получают этот набор в готовом виде в процессе образования, но Р. Декарт был вынужден отправиться в интеллектуальное путешествие в одиночку: «я не мог выбрать никого, чьи мнения я должен был бы предпочесть мнениям других, и оказался как бы вынужденным сам стать своим руководителем»²⁷⁰.

Изобретение метода, направляющего разум, стало фундаментом, на котором он мечтал построить единое здание науки. Этот фундамент должен был быть заложен поверх развалин философии и различных дисциплин, существовавших в то время. Те, кто называли себя учеными или философами, буквально «расползались» по поверхности, увлеченные лишь расширением своей территории, стремясь охватить все большее количество

²⁶⁷ Декарт Р. Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. I. С. 250.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Катасонов В. И. Методизм и прозрение. О границах декартовского методизма // Бессмертие философских идей Декарта (Материалы Международной конференции, посвященной 400-летию со дня рождения Рене Декарта). М., 1997. С. 84.

²⁷⁰ Декарт Р. Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. I. С. 259.

феноменов. Упрек Р. Декарта был направлен на то, что они не желали утруждать себя поднять взгляд вверх – туда, где обитала эта самая «одна единственная» истина.

Подобная вертикальная направленность проекта Р. Декарта противостояла горизонтальному характеру существовавшего расположения знаний. Р. Декарта, мечтавшего о принципиально ином образе знания, не устраивало, что если эти учения и были способны обнаружить истину, то лишь истину неполную, «осколочную». Так, учение А находило один осколок истины, учение В – второй, учение С – третий, но о полном знании изучаемого объекта речи не шло. В то же время отбросить учения В и С приверженцы учения А не могли, иначе они остались бы лишь с одной частью истины.

По мнению Р. Декарта, знанию следовало бы стремиться ввысь, сбрасывая со ступенек лестницы познания ложных претендентов на истину: «располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легкопознаваемых и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных»²⁷¹. Ступеньки были узкими настолько, что уместиться на них мог только один; между теориями, претендовавшими на включение в систему научного, истинного, знания, начиналась борьба. Этот образ лестницы идеально иллюстрирует картезианский проект науки, и позднее – хотя и на других основаниях – его воспроизведет О. Конт при описании последовательного восхождения наук от самых общих и простых к самым сложным и частным.

Иерархичность, упорядоченность и линейная последовательность в эволюционировании – таковы основные характеристики знания у Р. Декарта, которое было результатом коллективного познания, каковой и мыслилась наука. В уже ставшей институтом науке такого типа важна будет преемственность результатов – каждая новая теория сможет вырастать только на основании предшествующих ей теорий. Те науки, которые будут возникать позднее «самых первых наук», будут считаться науками с более сложным предметом и более сложной методологией, но опираться в своих изысканиях все равно будут на «первые». В каждый конкретный период существования науки при объяснении сущности объекта истинной будет лишь одна теория. В эти описания, без сомнения, укладывается образ науки О. Контом.

Трансцендентный характер истины об объекте придавал научному знанию независимость от сознания исследователя. Как уже было отмечено, разум в картезианстве не мог считаться той способностью, которая продуцирует подлинное знание, так как самостоятельно прийти к единственной истине он не мог.

²⁷¹ Там же. С. 260.

«Чистый», необученный разум – это благоприятная почва для того, кто захочет населить его заблуждениями, это так же и то место, откуда рождаются всевозможные «осколочные» истины и неправильные суждения. Разум в своем естественном состоянии – это неконтролируемый поток мыслей, склонный порой даже к безумию, к шатанию по выдуманному же им самим дорогам; и хотя Р. Декарт утверждал всеобщность разума, в то же время он утверждал и то, что унифицированного пути его развертывания нет. Поэтому он и предлагал «обуздать» разум как одного человека, так и многих – по сути, сделать так, чтобы люди мыслили одинаковым способом, ведь только таким образом можно прийти к единой науке и с ее помощью достичь единой истины о мире.

Следует превратить индивида с природной склонностью к мышлению в познающего субъекта с помощью метода, который в то же самое время простое рассмотрение мира трансформирует в научное познание: «метод превращает научное познание из кустарного промысла в промышленность, из спорадического и случайного обнаружения истин – в систематическое и планомерное их производство»²⁷². Становление в качестве познающего субъекта – это упорядочивание своих естественных способностей и склонностей. Познающий субъект – это мыслящий субъект, ограничивший себя в мышлении методом, не дающим ему последовать зову своей природы.

Субъект – это ограничение, сдерживание, усечение; это «искалеченный» индивид, которому для знакомства с миром даны различные модусы мышления – чувства, воображение и свободный разум – но он отказывается от первых двух и сдерживает последний при помощи метода. Ради познания мира индивид превращается в субъекта, отбрасывая накопленное им за свою жизнь содержание (привычки, культурные стереотипы). Именно об этом говорит П. Рикер, пытаясь обнаружить в декартовском *cogito* основание последующего кризиса субстанциональной субъективности в философии: «“я”, становясь мыслью, то есть способностью суждения, утрачивает индивидуальную определенность»²⁷³, оно становится не-личностью.

Эти опустошенные познающие субъекты и считаются учеными, едино-мысленниками. Но при этом у них нет потребности в точке зрения коллеги, поскольку либо их точки зрения тождественны, либо одна из них заведомо ложна: «субъект сомнения не нуждается в “другом”, он теряет всякую опору и отрывается от условия диалога

²⁷² Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.). М.: Наука, 1987. С. 177.

²⁷³ Рикер П. Кризис *Cogito* // Бессмертие философских идей Декарта (Материалы Международной конференции, посвященной 400-летию со дня рождения Рене Декарта). М., 1997. С. 19.

и совместной беседы»²⁷⁴. Ему требуются лишь те, кто примут из его рук накопленный массив знания и продолжат путь восхождения к истине. Согласно Р. Декарту, нам следует «побуждать способные умы идти далее <...> чтобы следующие за ними начинали там, где кончили их предшественники»²⁷⁵. Так формируется социальный институт науки, в котором важной становится проблема методологии исследования и легитимизация научного знания основывается на использовании метода, отсутствующего в искусстве, религии или философии.

Таково наследие декартовского представления о науке классического типа, чьим основанием, по сути дела, выступает единоподчиненность мышления субъектов. Впоследствии картезианская модель субъекта и соответствующий ей образ науки займут центральное положение в европейской картине мира. Однако с нашей точки зрения, фундамент концепции познающего субъекта у Р. Декарта носит не рационалистический характер, как это принято утверждать, потому как до «обработки» методом разум индивида представляет собой способность явно не-рациональную, близкую по своей природе к воображению.

Неклассический образ познающего субъекта

Э. Мах сводил индивида к относительно устойчивой совокупности ощущений, присущих телу и тому, что именуется «Я». Говоря о теле как о физическом объекте, он писал: «Не тела вызывают ощущения, а комплексы элементов (комплексы ощущений) образуют тела»²⁷⁶. Так, человеческое тело является не совокупностью органов с определенными функциями, а организуемой постфактум поверхностью воспринятых ощущений. Сами органы формируются в результате фиксации определенного типа ощущений. Под «Я» Э. Мах понимал «связанный с особым телом (живым телом) комплекс воспоминаний, настроений, чувств»²⁷⁷, т. е. поток постоянных изменений, которые, происходят медленно и непрерывно, за счет чего и складывается впечатление о постоянстве личности.

По сути, Э. Мах переосмыслил господствующую традицию рассмотрения индивида как «композита» из материальной и духовной субстанций: «Я» не существует отдельно от тела, оно возникает из тела, представляющего собой набор первичных ощущений, между которыми наличествуют функциональные

²⁷⁴ Там же. С. 17.

²⁷⁵ Декарт Р. Сочинения в 2 т. / пер. с лат. и франц.; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. I. С. 287.

²⁷⁶ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 68.

²⁷⁷ Там же. С. 50.

связи. «Я» не столько прикреплено к телу, сколько есть его производная, эффект его жизнедеятельности; и оппозиция между «Я» и телом отсутствует, так как они есть две стороны одной и той же связи (под которой понимается человеческий индивид), рассматриваемой с различных точек зрения.

Эта идея Э. Маха коррелирует с его другой идеей о параллелизме психического и физического, в соответствии с которой «найденные нами в опыте элементы, связь которых мы исследуем, бывают всегда одни и те же, только одного рода, выступая лишь в зависимости от рода своей связи, то как физические, то как психические элементы»²⁷⁸. Тело и Я находятся в таком же отношении друг к другу, как физическое и психическое. Утверждаемая тождественность этих понятий позволила Э. Маху выйти на традиционную философскую проблематику субъекта.

Собственно субъект в рамках подобного подхода рассматривается как связь, устанавливающаяся в ходе приобретения опыта (физического или психического), которая обладает не онтологическим, а функциональным характером, т. е. должна быть сконструирована для решения практических задач, одной из которых выступает необходимость приспособления к окружающей среде. Первичным средством адаптации для человека является познание, и «биологическая задача науки – дать человеческому индивидууму, владеющими всеми своими чувствами, возможно полную ориентировку»²⁷⁹.

Наука, следовательно, понимается как биологический инструмент приспособления к миру, авторитетность которого вытекает лишь из большей успешности его применения: научное познание обладает превосходством над познанием обыденным лишь потому, что точнее прогнозирует наступление каких-либо событий²⁸⁰. Наука, по сути, является вспомогательной ступенькой для осуществления иных видов деятельности, базисом функционирования социальной структуры в целом.

Э. Мах утверждал, что теоретические конструкции, которые используются в науке сегодня, могут устареть завтра, и поэтому не следует видеть в них универсального способа познания мира. Смена теорий происходит в соответствии с принципом экономии мышления²⁸¹ – там, где для достижения результатов, удобно применять старое положение, мы будем применять старое, там, где потребуется что-то изменить, мы отбросим устаревшее и изобретем

²⁷⁸ Там же. С. 90.

²⁷⁹ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 74.

²⁸⁰ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 134.

²⁸¹ Там же. С. 71.

новое. Это свидетельствует о скромных притязаниях науки: она не дает единственно верную картину мира, она лишь помогает достигать более эффективных результатов в практической жизни.

Познающий субъект, следовательно, оказывается в первую очередь субъектом практическим, которому необходимо встроиться в мир, а адаптация к нему посредством познания дает возможность его изменять: мы познаем для реализации практических целей, но эта реализация никогда не станет возможной без предваряющего ее познания. Этот двуединый характер субъекта позволил Э. Маху снять противоречие между познанием и практикой.

Снятие этого противоречия приводит к тому, что процесс познания пронизывает всю человеческую деятельность. Ученый – не единственный познающий субъект в мире, так как наука – лишь один из видов познания, спецификой которого является логическая связность и непротиворечивость положений²⁸². Э. Мах не проводил строгого разграничения между познанием (наукой) и простым рассмотрением мира – метод, выступавший критерием этого разграничения в картезианстве, здесь утрачивает свое значение. Более того, бездумное следование одному единственному методу в науках, изучающих объекты с различной природой, лишь мешает получению точных результатов: «Независимое научное исследование легко затемняется в том случае, когда воззрение, годное для особой тесно ограниченной цели, заранее делается основой всех исследований»²⁸³.

Метод познания объекта задает точка зрения исследователя, так как объект – не вещь-в-себе, а то, что переживается здесь и сейчас, он не существует по ту сторону того, кто его воспринимает. Знание о мире – это «описание фактов, т. е. субъективных переживаний и их функциональных зависимостей и связей, их взаимных отношений»²⁸⁴, а познающий субъект – это субъект ощущающий и затем переводящий свои ощущения в понятия, на основании которых он выстраивает теоретический образ мира. Но этот образ всегда не полон, и «нет точки зрения, которая имела бы абсолютное, вечное значение, а каждая сохраняет свое значение только для определенной цели»²⁸⁵.

Идея Э. Маха о принципиальной неполноте точек зрения в науке – теоретико-методологических подходов – получила свое

²⁸² Там же. С. 36.

²⁸³ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 73.

²⁸⁴ Гайденок П. П. Понимание времени. Статья первая: Понятие времени в философии науки конца XIX – начала XX века. Э. Мах, А. Пуанкаре // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 175.

²⁸⁵ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 75.

развитие в конкретных научных дисциплинах. Так, в квантовой механике принцип дополнительности Н. Бора гласит: для адекватного познания объекта требуются две противоположные системы описания, так как, ограничиваясь лишь одной из них, мы упускаем из вида особенности поведения объекта, которые проявляются при изменении условий в другой системе.

Многогранность изучаемого объекта и несовпадение познавательных способностей субъектов (в противоположность картезианской идее о «раз и навсегда» схватываемом объекте и одинаково мыслящих субъектах) приводят к признанию недостаточности одного исследовательского подхода, к множественности описаний реальности. Ученый начинает ощущать потребность в наработках коллег, как из других сфер, так и из собственной области: «Нет изолированного исследователя. Каждый ставит себе также и практические цели, каждый учится и у других и работает также для ориентировки других»²⁸⁶. Дело в том, что каждый исследователь представляет собой определенный комплекс ощущений, нетождественный комплексу ощущений другого, и для того чтобы получить полное описание объекта, нам необходимо собрать для его исследования как можно больше субъектов с различными ощущениями.

Наука при таком подходе должна стать сообществом тех, кто чувствует (и, следовательно, оформляет в понятиях) по-разному. Э. Мах писал, что «наши чувства не могут показывать ни верно, ни неверно. Единственно правильное, что мы можем сказать о наших органах чувств, есть то, что при различных условиях они освобождают различные ощущения и восприятия»²⁸⁷. По этой причине у нас и возникают различия в обнаруживаемой истине об объекте, ведь каждый встречается с этим объектом в различных ситуациях.

А. И. Жеребин отмечает, что пафос философии Э. Маха состоит в «оптимистическом утверждении своего рода высшей реальности по ту сторону ложных оппозиций рационалистического сознания: субъекта и объекта, психического и физического, чувственного и сверхчувственного, внешнего и внутреннего, реальности и сновидения, жизни и смерти»²⁸⁸. На наш взгляд, Э. Мах действительно наметил возможности преодоления традиционной западноевропейской метафизики. Одновременно он положил

²⁸⁶ Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. С. 43.

²⁸⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 55.

²⁸⁸ Жеребин А. И. Эрнст Мах и проблема разрушения личности / А. И. Жеребин // Вопросы философии. 2013, № 1. С. 141.

и начало новому этапу науки благодаря стиранию границы между познанием и практикой и признанию множества подходов к изучению одного и того же объекта.

Таким образом, мы рассмотрели две концепции субъекта: декартовский субъект, сдерживающий развертывание присущего ему от природы разума при помощи метода, и махианский субъект, складывающийся из множества ощущений и вынужденный встраиваться во враждебный окружающий мир. Из этих концепций вырастают соответствующие им модели науки: для Р. Декарта наука – это следствие естественного развития данного индивидуума, для Э. Маха наука – это следствие естественной необходимости индивида преодолеть заброшенность в мир.

Философский анализ влияния модели субъекта на образ науки демонстрирует, что переход от классического типа науки к неклассическому действительно связан с трансформациями в статусе познающего субъекта, являющегося творцом научной реальности. Основной чертой новой, неклассической, науки становится признание принципиальной релятивности научных теорий. Если в классике речь идет о единой теории, единой методологии исследования, единой науке, то в неклассике говорят о множественности описаний мира, включая те, которые могут быть взаимоисключающими. Это рождает и новый образ истины: вместо истины «вообще» рассматривается истина при тех или иных условиях, при использовании тех или иных средств, в той или иной системе отсчета.